

Автор.
М 56

Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени А. А. Жданова

На правах рукописи

МЕЩЕРЯКОВ Юрий Владимирович

УДК 343.10

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО РОССИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Специальность 12.00.09 - уголовный процесс,
судоустройство, прокурорский надзор и криминалистика

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени кандидата
юридических наук

Ленинград - 1985

Работа выполнена на кафедре уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Ленинградского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени А. А. Жданова.

Научный руководитель - Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, профессор Н. С. АЛЕКСЕЕВ

Официальные оппоненты:

Доктор юридических наук, профессор В. П. Нажимов, Заслуженный работник высшей школы УССР, Лауреат государственной премии УССР, доктор юридических наук, профессор А. И. Рогожин.

ХАРЬКОВСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. С. С. ДУБОВИЧЕВСКОГО
Инв. № _____

Ведущая организация -

Воронежский государственный университет

Защита диссертации состоится "30" сентября 1985 г. в "15" часов на заседании специализированного совета К.063.57.22 по присуждению ученой степени кандидата юридических наук в Ленинградском государственном университете имени А. А. Жданова (199026, Ленинград, В.О., 22-линия, дом 7).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке имени А. М. Горького Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова (Ленинград, Университетская набережная, дом 7/9).

Автореферат разослан "29" сентября 1985 г.

Ученый секретарь специализированного совета, кандидат юридических наук, доцент Н. И. Авдеенко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Во всяком эксплуататорском государстве, указывал В. И. Ленин, "суд есть орган власти", являющийся "слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых"¹. Однако как в прошлом, так и в настоящее время отмечаются попытки буржуазной науки извратить сущность суда и судопроизводства в классовом обществе, представить суд в качестве внеклассового и внеисторического органа.

В условиях современной острой идеологической борьбы исследование уголовного судопроизводства на различных исторических фазах его развития не только не потеряло своего значения, но, наоборот, еще более его усилило.

В этом смысле закономерно возросшее в последние годы количество публикаций по истории охранительных отраслей отечественного и зарубежного права² свидетельствует о более глубоком осознании представителями историко-правовой науки и специальных юридических дисциплин объективной необходимости всестороннего освещения проблем отечественной и всеобщей истории. "Требование историзма, - пишет академик В. Пашуто, - стало сейчас "знаменем времени"³.

Трудно переоценить роль исторических знаний, обладающих наглядностью и доступностью, в процессе формирования сознательности и иных черт идейно-нравственного облика советского судьи, следователя и других работников правоохранительных и правоприменительных органов. Объективная картина бесправного, незащищенного положения личности в процессе феодально-крепостнической России, систематические нарушения законности, существование неприкрытых военно-авторитарных методов регулирования чисто юридических отношений, открыто провозглашаемый и культивируемый национализм неизбежно оказывают мощное контрастирующее воздействие на социалистическое правосознание прокуроров, следователей, судей и других

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 433; т. 35, с. 270.

² Нажимов В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса. Калининград, 1977 и др.

³ Пашуто В. Научный историзм и содружество муз. "Коммунист", 1984, № 5, с. 82.

участников уголовного процесса. Наглядное (возможное только в рамках исторических экскурсов) представление о необратимых для правосудия последствиях взяточничества, пристрастности, невежества и формализма, проявлениями которых было так богато дореформенное судопроизводство России, укрепляет уверенность в необходимости полного искоренения еще встречающихся аналогичных фактов в практике современного процесса.

Процесс формирования марксистско-ленинского мировоззрения у работников правоохранительных и правоприменительных органов вместе с тем требует использования прогрессивных революционно-демократических традиций в реализации политико-воспитательной функции советской уголовно-процессуальной науки. Исторически прогрессивные взгляды русской демократии конца XVIII - первой половины XIX вв. (Радищев, декабристы, Герцен, Огарев и др.) являются неотъемлемой частью нашего исторического наследия.

Научный подход к изучению общественных явлений и институтов требует "не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило"¹... Следование в тематике (содержании) уголовно-процессуальных разработок сформулированным В. И. Лениным требованиям историзма, при учете иных положений марксистско-ленинской методологии, обеспечивает достижение максимального научно-познавательного и поискового эффекта при решении многих проблем современной советской уголовно-процессуальной науки. Без знания истории уголовно-процессуального права и его отдельных институтов невозможно глубокое понимание качественных отличий советского уголовного процесса от предшествующих типов судопроизводства, его неизмеримого превосходства (теоретико-идеологический аспект исследований), невозможна и развернутая исчерпывающая аргументация (в том числе путем введения в научный обиход новых, исторических форм концептуального обоснования) решения ряда проблемных вопросов теории и практики современного процесса (научно-практический аспект).

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы выявить и осмыслить в нем закономерности развития и характерные особенности русского уголовного процесса первой половины XIX в., а также применить положения и выводы осу-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

ществленного автором исследования к решению некоторых теоретических и практических проблем уголовно-процессуальной и историко-правовой науки. С этой целью сделана попытка разрешения следующих задач: выявление места уголовного судопроизводства в механизме классовой диктатуры феодального дворянства; определение социально-классовой природы правосудия крепостнической России, диалектики взаимосвязи его сущности и содержания; характеристика специфических каналов взаимодействия уголовного судопроизводства и элементов формы государства; отображение направленности эволюции уголовно-процессуальной системы в условиях кризиса феодально-крепостнической системы и абсолютистской государственности; конкретизация и обоснование сделанных выводов материалами судебно-следственной практики.

Методологические и теоретические основы, эмпирическая база исследования. Методологическую основу диссертации составляют положения марксистско-ленинской философии, в которых решаются вопросы социальной сущности, содержания и закономерностей развития отраслей права, материальных и процессуальных отношений, диалектики взаимосвязи правовой и политической сфер жизни эксплуататорского общества. Автор руководствовался положениями, содержащимися в программе КПСС, материалах партийных съездов и Пленумов ЦК КПСС, в произведениях руководителей КПСС и советского государства. При работе над диссертацией широко использовались труды советских и зарубежных философов и юристов. В качестве основных частно-научных методов применялись исторический, логический, сравнительно-правовой, семантический анализ понятийного аппарата и терминологии.

Практическую основу исследования составили данные: обобщения судебно-следственной практики по 100 уголовным делам, находившихся в ревизионном производстве пятого департамента Сената в 1833-1840 гг.; судебной практики по 475 делам об убийствах, рассматривавшихся в уголовных палатах и совестных судах пятнадцати губерний и областей империи в 1841 г.; 20 сводных отчетов судебных мест о практике рассмотрения уголовных дел, составленных по вопросам Комиссии составления законов в 1804-1805 гг. Широко использовались обобщенные данные судебно-следственной практики, содержащиеся во входящих и исходящих документах по Государственному совету, Министерству юстиции и II отделению собственной е.и.в. канцелярии, а также по фондам правительственной комиссии 1841 г., спе-

циально занимавшейся обобщением практических замечаний на законы уголовного судопроизводства.

Научная новизна. Работа представляет собой первую попытку комплексного, системного исследования инквизиционного судопроизводства России периода общего кризиса феодально-крепостнической формации. Существенным недостатком большинства ранее публиковавшихся по данному вопросу работ является ограниченность используемой в них эмпирической базы (либо, при ее наличии, в дореволюционных трудах - порочность методологических оснований исследований); отсутствие подробно разработанной "привязки" уголовно-процессуальной политики к элементам формы государства. До сих пор в литературе остаются недостаточно исследованными либо ошибочно трактуемыми некоторые узловые вопросы истории уголовно-процессуальной политики (например, природа "суда по форме" и исторические рамки существования в России обвинительной формы уголовного преследования).

Основными результатами диссертационного исследования, обуславливающими его научную новизну, являются следующие: 1. Автор, в отличие от имевших место и не подвергнутых всесторонней критике утверждений ряда дореволюционных историков права о том, что инквизиционная форма уголовного процесса не имела внутренней связи со структурой общественно-политического быта дореформенной России, констатирует наличие закономерной обусловленности особенностей розыскной уголовно-процессуальной системы типологическими чертами феодально-крепостнического общества и абсолютистской государственности. 2. Посредством сопряженного анализа материалов нормотворческого и правоприменительного процессов в области уголовно-процессуального регулирования логически и исторически обосновывается тезис о наиболее адекватной (из всех рычагов охранительной политики) форме отражения системой уголовного судопроизводства первой половины XIX в. колебаний политического режима. 3. Как характерная особенность уголовно-процессуальной политики первой половины XIX в. диссертантом выделяются ее нарастающая авторитарность. Издание Свода законов не смягчило, а усугубило инквизиционность уголовного процесса, еще более обнажило его дворянско-крепостническую сущность. 4. Отличительная черта существовавшего в России в первой половине XIX в. соотношения уголовного материального и процессуального права заключалась в резком несоответствии между ними, что затрудняло применение в условиях обостривших-

ся социальных противоречий такого инструмента охранительной функции государства, как уголовная репрессия. 5. На первую половину XIX в. (кодификация 1832 г.) приходится окончательное упразднение обвинительных начал в уголовном судопроизводстве. Существовавший до 1832 г. порядок "суда по форме" являлся разновидностью состязательной формы уголовного процесса.

Безраздельное господство розыскной формы уголовного преследования - характерная черта именно второй трети XIX в. 6. В русле ретроспективного осмысления отдельных теоретических и практических проблем следственного уголовного процесса делаются попытки позитивного решения (либо новой аргументации) некоторых дискуссионных, имеющих теоретическое и практическое значение, вопросов современного уголовно-процессуального права.

Практическая и теоретическая значимость исследования. Содержащиеся в работе положения и выводы могут быть использованы: при проведении дальнейших исследований в области истории и теории уголовного судопроизводства; в процессе разработки специальных курсов советского уголовного процесса и истории государства и права СССР; служить пособием при изучении курса советского уголовно-процессуального права; учитываться при разработке законодательства, регламентирующего советский уголовный процесс.

Апробация результатов исследования осуществлялась в форме: публикации двух статей, в которых содержатся основные положения и выводы диссертации; двух научных сообщений, сделанных на кафедре уголовного процесса юридического факультета ЛГУ (1983 г.) и теоретическом семинаре молодых ученых (1984 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, разбитых на параграфы, заключения, приложения (с 16-ю схемами и 20-ю таблицами) и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава I.

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Первая глава посвящена вопросам структуры и закономерности развития судебной системы России, а также общей характеристике уголовного судопроизводства как одного из инструментов каратель-

ной политики абсолютизма: вскрывается социально-классовая природа уголовного правосудия и характер его связи с политикой государства в первой половине XIX в.

Сопутствующий кризису общественно-политической системы России первой половины XIX в. возросший уровень преступности, являясь разновидностью обострившихся социальных противоречий, обусловил концентрацию усилий абсолютизма на дальнейшую оптимизацию форм охранительной политики. Особенная важность таких инструментов охранительной функции государства, как уголовное материальное и процессуальное право, определили повышенную заинтересованность правительства в создании эффективной системы уголовного правосудия. Однако, сознавая необходимость соответствующих организационных условий оптимизации форм уголовного преследования, законодатель обнаружил крайнюю робость и постепенность в преобразовании аппарата уголовной юстиции. Судостроительная политика первой половины XIX в. основывалась на старых, выработанных еще Петром I (и приведенных в целостную и стройную систему Екатериной II) принципах сословности и административной опеки судебных учреждений. Предпринимая лишь половинчатые меры для совершенствования аппарата правосудия (реформы 1796, 1801 гг.), абсолютизм не смог устранить обозначившегося к XIX в. несоответствия организационной структуры судебного ведомства потребностям (уровню развития) гражданского общества, предполагавших независимый и бессословный суд, а также возросшей необходимости стимуляции уголовно-процессуальной деятельности во всех ее проявлениях.

Большей решительностью отличались шаги правительства (объективно) в прямо противоположном направлении. Фактическая ликвидация (1801 г.) сословного суда для государственных крестьян, подчинение сословных интересов горожан интересам дворянства в объединенных (к судебной реформе 1864 г.) с уездными судами магистратах, наконец, - расширение форм дворянского представительства при формировании судов среднего звена (1831 г.) свидетельствовали, с одной стороны, об отказе правительства от соблюдения феодальной, сословной законности в судостроительной политике в пользу всевластия дворянства, а с другой, - о непонимании усугубляющего воздействия этих мер на процесс прогрессирующего несоответствия дворянско-крепостнической (теперь уже фактически и по своему личному составу и господствующему правосознанию) системы юстиции потенциям общественного развития. Этому же несоответст-

ствию способствовали непретерпевшая в первой половине XIX в. каких-либо отступлений (а в некотором отношении усилившаяся) приверженность абсолютизма курсу на подчинение судов администрации и усиление бюрократического централизма в организации и функционирования аппарата правосудия. Наделение уголовно-судебными полномочиями созданных в начале XIX в. отраслевых министерств, Комитета министров, Государственного совета придали особое качество системе уголовного правосудия, сделав ее, с одной стороны, чрезвычайно громоздкой, и окончательно ликвидировав, с другой, сохранявшуюся с Учреждения 1775 г. всякую видимость обособленности и равенства с прочими формами властей (исполнительной и законодательной) уголовно-судебной власти империи. Обеспечивая, таким образом, консервацию старых принципов судостроительства в их наиболее худшем для какого-либо прогресса виде, законодатель объективно predetermined и свою линию в области уголовно-процессуальной политики.

Являясь одним из основных инструментов классовой диктатуры феодального дворянства, уголовное правосудие первой половины XIX в. полностью, без каких-либо изменений сохранило свою дворянско-крепостническую сущность. Строй крепостного права, в общем (в историко-генетическом ракурсе общеевропейского развития) не являвшийся, по мнению автора, обязательным условием существования розыска процесса, в конкретных условиях России был столь "жестко" связан с системой инквизиционного правосудия, что коренная реформа одного из них была невозможна без полной ломки другого. Определяя начала розыска формы уголовного судопроизводства (и тем самым часто непосредственно проецируясь на догму уголовно-процессуального права), крепостничество одновременно явилось фактором мощного детерминирующего воздействия на судебно-следственную практику, часто отклонявшуюся от нормативно закреплённой модели. Фактически процветавшая (несмотря на формальную отмену в 1801 г.) в суде первой половины XIX в. попытка - центральный конститутивный элемент инквизиционной системы правосудия - своим долголетием обязана существованию помещичьей уголовной юрисдикции.

Наряду с крепостничеством, факторами существенного (изначального) детерминирующего воздействия на инквизиционную форму судопроизводства и специфику отдельных процессуальных институтов явились типологические особенности таких элементов феодально-крепостнической формации, как, в частности, семья, быт, религия, образ

жизни. Часто не опосредованные какими-либо промежуточными звеньями, они способствовали консервации худших сторон старого процесса. Варварские приемы расследования, особенная пристрастность суда при решении дел о преступлениях против веры, процессуальное бесправие и нормативное презюмирование вины подсудимых-детей, обвиняемых в оскорблении "родительской власти", обрядовые формы присяги и отношение практики к допустимости проведения определенных следственных действий (допросы свидетелей) - эти и многие иные черты русского инквизиционного процесса определялись грубостью нравов феодального общества, заботостью и невежеством основной массы населения, значением религии и включенностью семьи в сферу публично-властных отношений при феодализме.

Отражая фундаментальные сдвиги в хозяйственном развитии страны, неуклонно изменявшаяся в благоприятном для формирующейся буржуазии направлении судебная практика (изменения содержания уголовного правосудия) обнаружила противоречивость уголовно-процессуальной политики абсолютизма. С одной стороны - исключительная медленность и рутинность в законотворческом процессе расширения процессуальной правоспособности имущих недворянского происхождения и создания процессуальных гарантий свободного предпринимательства, а с другой - лабильность самой правоприменительной практики, более благоприятствующей вообще имущим вне зависимости от их сословной принадлежности. В этом смысле непродвиженное в дореволюционной историко-правовой литературе разграничение содержания и сущности уголовного правосудия позволяло подменять вопрос о его классовой (и конкретно - дворянско-крепостнической) природе (второстепенным, формальным) вопросом о соотношении собственно процессуальных целей и средств их достижения, и через это - вообще затушевывать эксплуататорскую сущность правосудия в дореволюционной (до - и пореформенной) России. Коренное различие буржуазного и марксистского подхода к оценке такого правового феномена, как русский уголовный процесс первой половины XIX в., сводится именно к различному пониманию значения формы (средств) и целей (основных - политико-классовых) уголовного процесса как формирующих тот или иной тип правосудия. Противопоставляя формализму дореволюционной теории, возводящей правосудие в самоцель и соответственно-подменяющей вопрос о его классовых целях вопросом о средствах достижения формального равенства в процессе, марксистская теория права определяет коренные отличия того или иного

типа уголовного правосудия по его целям - в самом глубоком, основательном приближении - по его классовому предназначению, а в формах процесса усматривает лишь средство, та или иная конструкция которых наиболее полно отвечает в текущий исторический момент достижению этих целей.

Выражая объективно обострившуюся (в связи с кризисным состоянием формации) потребность адекватного отражения судопроизводством экономического строя общества, тенденция к пересмотру законов о судоустройстве и процессе должна была обнаружиться соответственно в первую очередь в области гражданского суда и уже через него - в уголовном судопроизводстве. Таким образом, в XIX в., в противоположность XVIII в. (времени окончательного оформления следственного процесса как системы) происходит перемещение центра формирования "правовой возможности" замены одной системы судопроизводства другой из сферы уголовного суда - в суд гражданский. Если действовавшая в уголовном процессе XVIII в. тенденция к универсализации розыска широко распространилась и на исковое производство, отчасти ликвидировав в нем обвинительные начала, то в XIX в. "юридические предпосылки" замены "розыска" "судом" оформляются как мощный стимул именно в сфере гражданского правосудия. Глубинные основания перемещений "пружин" потенциального динамизма системы русского правосудия - в различиях экономического уровня и характера соответствия ему политической и правовой надстройки общества начала XVIII и середины XIX вв.

Определяясь феодально-крепостническим строем в "конечном счете" розыскная форма уголовного судопроизводства России в непосредственном отношении явилась производной от строя абсолютной монархии и имманентно характерных для него деспотизма и произвола. Даже дворянство, наиболее привилегированное в уголовно-процессуальном отношении сословие, иногда произвольно лишалось законодателем существеннейших процессуальных гарантий: из всех состояний империи, неслужащие дворяне наряду с крепостными крестьянами не пользовались правом защиты через депутатов на следствиях. Очевидно, что подобное "уравнение" самых бесправных и самых привилегированных (при настойчивых ходатайствах последних предоставления им возможности иметь депутатов) мыслимо только при таком типе автократии, каким был режим единоличной самодержавной власти. И наоборот, в полном соответствии с марксистской трактовкой роли бюрократии при абсолютизме, которая "считает самое себя конечной

целью государства"¹, безусловными преимуществами перед прочими сословиями обладали в уголовном процессе подсудимые-чиновники, в том числе недворянского происхождения. Испытывая известные, обусловленные динамикой политического режима колебания, уголовно-процессуальная политика отличалась на протяжении первой половины XIX в. в целом нарастанием в ней авторитарных, реакционных тенденций и универсализацией военного начала в области общеуголовной юрисдикции. Кризисное состояние крепостнической формации - при крайнем субъективизме в определении форм охранительного курса (особенно сказывавшемся в оценке роли процедуры военно-уголовного, в частности, военно-полевого суда, и в определении своего отношения к раскольникам) - обусловило совершенно ненормальное соотношение между общими и чрезвычайными методами борьбы с преступностью. Постоянно увеличивавшиеся в количественном отношении исключения из общей уголовно-процессуальной формы (часто в порядке оперативно-распорядительных актов, без нормативного опосредования) замкнули круг противоречий между требованиями феодальной законности, стабильности правопорядка и курсом на расширение чрезвычайных методов реагирования на преступное поведение. Коренная ломка инквизиционного судопроизводства стала в конкретно-исторических условиях середины XIX в. единственной альтернативой жизнеспособности общеимперской системы уголовной юстиции.

Глава 2.

СИСТЕМА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Приводимый в главе детальный анализ последовательно сменяющих друг друга стадий процесса, отдельных институтов розыскной системы уголовно-процессуального права и судебной практики первой половины XIX в. служит подтверждением факта глубокого кризиса системы уголовного судопроизводства России.

Неудовлетворительное состояние одного из функциональных оснований следственного процесса - полицейского расследования, - предопределенное как недостатками процессуального закона, так и характером отношений суда и полиции и составом последней - уже в самых началах делало правосудие особенно уязвимым в борьбе с пре-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 270-271.

ступностью. Продолжительность сроков расследования, законодательно проведенная неограниченность розысков, обычность практики крайне необъективного ведения следственного производства создавали непреодолимые препятствия для последующего скорого и справедливого разрешения уголовных дел в суде. Высокий процент возвращения дел на доследование и привлечения следователей к ответственности за упущения и нарушения процессуального закона свидетельствуют о крайне низком качестве полицейского расследования в дореформенную эпоху. Помимо приведения в диссертации обобщающих по этому предмету выводов практических работников суда и прокуратуры, автором даются цифры, полученные в результате обобщения судебно-следственной практики - 31% уголовных дел возвращались на доследование, более чем в третьей части всех обобщенных случаев расследования дел об убийствах на следователей налагались дисциплинарные взыскания. Пагубные для правосудия последствия неудовлетворительного состояния предварительного розыска усугублялись такими чертами следственной деятельности, как пренебрежительно-уничижительное отношение к личности в процессе, в ряде случаев - (что признавалось Министерством юстиции и II отделением) асоциализация подследственных и объективное способствование укоренению в их сознании криминогенных установок (особенно при условиях совместного содержания под стражей несовершеннолетних и взрослых преступников, осужденных и обвиняемых), и в конце концов (по своим последствиям) - противопоставление общественного мнения всей системе уголовного правосудия. Отсутствие каких-либо ограничений для взятия подозреваемых под стражу (практика отдаст предпочтение именно этой мере пресечения; по данным 76% обобщенных нами дел об убийствах и изнасилованиях, из которых менее половины окончились осуждением подсудимых, к обвиняемым применялось заключение под стражу) отсутствие у обвиняемых-простолудинов реальных прав протестовать против необоснованных, без предъявления обвинения, арестов, лишение подследственных возможности отвода следователей, фактическое бездействие института защиты через депутатов превращали обвиняемых (преимущественно из непривилегированных) в безгласный объект исследования. А практика их уголовного преследования за ложные показания (отмеченная нами в 6,4% случаев разбирательства дел в Сенате), недонесение о собственных, инкриминируемых им преступлениях (характерная почти для всех обобщенных нами дел) и распространенность пыток придава-

ли предварительному розыску XIX в. все черты классической, строго инквизиционной системы процесса.

Осознание высшей бюрократией порочности устройства предварительного следствия не шло в своем проявлении дальше его критики и умозрительных предположений о целесообразности его частичной реформы. Консерватизм, рутинность, часто обычная денежная скупость (законодательство об издержках и документы переписки Министерства финансов и Государственной канцелярии по вопросу о судебных сборах), порождаемые в равной мере как пренебрежением к личностным ценностям, так и интуитивной боязнью каких-либо (даже непринципиальных) перемен явились основными, имеющими "волевою" природу, причинами уязвимости функционального основания следственного, судопроизводства.

Фактически классически инквизиционными оставались в первой половине XIX в. и основные формы предварительной, до решения дела по существу, судебной деятельности. Давая критическую характеристику неудовлетворительного состояния законодательства о подсудности, приводя не опубликованные материалы официальной и неофициальной критики практики неограниченных розысков, правил об очередности подготовки уголовных дел к слушанию и порядка судебного рассмотрения дел по совокупности преступлений, автор демонстрирует каналы и последствия воздействия этих факторов на функционирование уголовно-процессуальной системы. Посредством акцентирования внимания на такой черте розыскного процесса, как медленность производства уголовных дел, и с учетом приводимых в диссертации не опубликованных материалов практики зачета в наказание сроков содержания под стражей, предпринимается попытка положительного решения вопроса о соотношении главных целей уголовного наказания и некоторых второстепенных целей уголовного процесса. Предопределяя невозможность реализации в наказании такой официально провозглашаемой цели, как исправление преступников, медленность движения дел в суде выступала (особенно при содержании подсудимых под стражей) как фактор значительного устрашающего воздействия, превращая процесс в более действенное средство общей превенции, нежели само уголовное наказание.

Как и на следствии, обвиняемый лишался в суде каких-либо реальных средств защиты. Анализируя законодательство и практику, относящиеся к деятельности суда по контролю за законностью и правильностью предварительного расследования и реализации гарантий

прав подсудимых (правила об отобрании от обвиняемых подписок об отсутствии пристрастий на следствии, их повторном допросе, о допустимости предъявления подсудимым выписок из уголовных дел, нормы об отводе судей), диссертант, широко обращаясь к сравнительно-логическим методам исследования, оценивает как имеющие чисто декларативный характер все нормативные попытки ограничения произвола юстиции при террористически-бесконтрольной по своим принципам судебно-следственной деятельности в инквизиционной системе процесса. Издание Свода законов 1832 г. трактуется в этом смысле впервые в качестве одного из этапов усиления инквизиционности уголовного процесса, в котором пытка была формально запрещена. Распространенные в историко-правовой и уголовно-процессуальной литературе (В. Случевский, М. С. Строгович и др.) утверждения о смягчении Сводом инквизиционных начал (речь идет о двух этапах развития русского процесса - до- и после 1832 г., объединяемых, однако, такой чертой, как формальное отсутствие пытки) не имеют под собой ни юридических, ни фактических оснований. Оставив открытым вопрос об отводе следователей (который справедливо считался высшей бюрократией более важным, нежели вопрос об отводе судей), законодательно ограничив власть суда в передопросах подсудимых, наконец, в соответствии с потребностями практики, расширив условия полной силы собственного признания, Свод законов усилил репрессивность уголовной юстиции за счет гарантий прав привлекаемых к уголовной ответственности.

Обратившись к позитивному изложению вопроса об уголовно-судебных доказательствах и констатировав факт полной преемственности принципов доказательственного права уголовного процесса первой половины XIX в. от формальной теории начала XVIII столетия (Краткое изображение процессов 1716 г.), автор попытался дать "процессуальное" и материально-правовое обоснование изменений законодательства о доказательствах. Отказ Екатерины II от жестко проведенной в Кратком изображении процессов дифференциации законных условий безусловного осуждения и дозволение постановлять обвинительные резолюции по совокупности несовершенных доказательств определялись, по мнению диссертанта, как смягчением жесткости уголовного наказания (упразднение смертной казни), так и ограничением (1760-е годы) применения пытки, ослабляющим значение собственного признания и порождающим потребность компенсировать падающую репрессивность теории формальных доказательств но-

выми правилами.

Приводя неопубликовавшиеся материалы критики теории законных доказательств официальными учреждениями и должностными лицами империи и судебной практики (по чему обосновывается тезис о значительном расхождении ко времени реформы 1864 г. некоторых сторон профессионального правосознания и принятых начал процесса), диссертант дает содержательную критику оснований имевших место дискуссий по поводу оценки места формальных доказательств в системе розыскного судопроизводства. Посредством сопряженного анализа принципов и назначения формальных доказательств и всего процесса в целом делается вывод о закономерном характере связи формальных доказательств и произвола на следствиях и в суде: оценивая, как и в XVIII в., собственное признание лучшим уголовно-судебным доказательством, формальная теория явилась (из комплекса условий иного порядка) основной "процессуальной" причиной распространности пыток в судопроизводстве в первой половине XIX в.

Осознававшееся в XIX в. несоответствие формальной теории доказательств возросшему уровню общественного сознания и потребностям охранительной политики не привели, однако, к попыткам (имевшим место в некоторых странах Западной Европы) согласования в рамках следственной системы процесса законных доказательств с началом внутреннего убеждения судей. Вне зависимости от мотивационных посылок этого нормотворческого консерватизма, объективными причинами невозможности кардинальных перемен в доказательственном праве до общей реформы процесса явились, по мнению автора, сама структура русского инквизиционного производства, в котором функции расследования и решения дел по существу рассредотачивались (с 1775 г.) по отдельным процессуальным статусам следователя и судьи, а также медленность процесса и исключительное развитие письменности в XIX в.

Отличаясь (при отмененной пытке) насаждением розыскных начал "вглубь", уголовно-процессуальная политика первой половины XIX в. характеризовалась одновременным распространением инквизиционных принципов "вширь". В опровержение широко распространенных в советской историко-правовой литературе (М. С. Строгович, Б. В. Виленский и др.) утверждений о следственной природе "формы суда" 1723 г., в диссертации впервые посредством различных форм толкования норм Указа 5 ноября 1723 г. (грамматического, логического, исторического, систематического) и изучения неопубликовавшихся

материалов судебной практики начала XIX в. аргументированно отстаивается являвшаяся аксиоматичной для дореволюционной науки классическая формула о состязательной сущности "суда по форме". Упразднением в 1832 г. "суда по форме" для уголовных дел, в обвинительной процедуре которого (с судоговорением, состязанием сторон и возможностями защиты через поверенных) рассматривалась в первой трети XIX в. значительная часть дел о малозначительных преступлениях, законодатель отказался от ставших к XIX в. суррогатом обвинительных форм уголовного преследования и окончательно определил свои симпатии к пронизанному публичностью, с максимальным ограничением прав обвиняемых, следственному процессу. Уголовное преследование становится почти исключительной прерогативой государства. И в этом (с учетом приводившегося выше) смысле издание свода законов отразило нарастающую инквизиционность уголовного процесса на рубеже первой и второй третей XIX в.

Рассмотрение одной из завершающих стадий процесса - постановления приговора - позволяет, основываясь на законодательстве и материалах судебной практики, прийти к выводу о значительном расхождении между требованиями формальной теории доказательств и реальными основаниями постановления тех или иных приговоров. Отступления от законности в пользу целесообразности являются здесь правилом. В совокупности обобщенных нами дел выявлено вынесенных без каких-либо законных оснований в судах I-й, 2-й степеней и Сенате соответственно приговоров: об оправдании - в 39, 19 и 14% случаях, об осуждении - в 6 и 7,8% (на Сенат таких данных не обнаружено). Почти все дела, окончившиеся незаконным (с точки зрения формальной теории) оправданием, были возбуждены по поводу преступлений помещиков и управляющих в отношении крепостных. В числе же незаконно осужденных значатся почти исключительно непривилегированные. Корректируя судебную практику и восполняя недостатки формальной теории доказательств (своей невысокой репрессивностью делающей правосудие особенно уязвимым в борьбе с преступностью), законодатель в XIX в. пытался административно-полицейскими мерами обеспечить неотвратимость наказания для подсудимых из низших классов. Расширение административных форм реагирования на преступность - отличительная черта именно первой половины XIX в.

Лишая привлекаемых к уголовной ответственности важнейших процессуальных прав под предлогом возможности защиты на конечной стадии процесса - при пересмотре приговора - законодатель предо-

пределил особенную важность гарантий реализации прав по защите в институтах ревизии и апелляции. Однако, несмотря на то, что мысли законодателя (как это впервые попытался доказать автор) наиболее соответствовала дифференциация начал ревизии и апелляции (вне зависимости от степени суда) по сущности обвинения, развитие законодательства о пересмотре приговоров шло в XIX в. по линии безусловного подавления интересов простолюдинов в определении возможностей пересмотра тяжких (ревизионных) приговоров в высших инстанциях и предоставления относительной свободы переноса в Сенат дел при осуждении к легким наказаниям. Законодатель как бы подчеркивал этим отсутствие противоречий между публичным интересом в процессе и (известной ему) необъективностью производства уголовных дел в низших судах и палатах. Та трудность, с которой "прошел" в 1818-1823 гг. через высшие инстанции империи закон о жалобах на исполненные приговоры (оцениваемый представителями прогрессивной общественной мысли как "уже произвол"), свидетельствовала о прочности победы реакционно-настроенной части высшей бюрократии по привитию уголовной юстиции неприкрыто-террористических методов борьбы с преступностью непривилегированных и устойчивости тенденции к усилению инквизиционности системы правосудия в России первой половины XIX в. Наконец, запрещение в 1855 г. осуждаемым к самым распространенным видам наказания из простолюдинов жаловаться в Сенат на необоснованные приговоры как до, так и после их исполнения привели к созданию такой системы судопроизводства, которая, даже по оценке представителей консервативно-настроенного чиновничества, была лишена каких-либо "правовых" и нравственных оснований.

В заключении подводятся общие итоги диссертационного исследования.

В приложении даны схемы организации и функционирования всех основных звеньев системы уголовного правосудия, а также приводятся таблицы с данными обобщенных уголовных дел и соответствующий к ним комментарий.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:

1. "Суд по форме" в уголовном процессе первой трети XIX в. - Вестник Ленинградского университета, 1984, № 23, с. 110-114.

2. Соотношение уголовного права и процесса в дореформенной России (первая половина XIX в.) - Правоведение, 1985, № 2, с. 75-81.